

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

№ 17-й.

1—15 сентября.

Наша деревня.

Начиная говорить о нашей деревнѣ, невольно вспомнишь слова пѣсни: «хороша наша деревня, только сланушка худа»... Говорить о деревнѣ значитъ говорить о деревенской молодежи, о которой сказать хорошаго-прямо нечего. Быть можетъ, въ другихъ мѣстахъ деревенская жизнь течетъ другимъ русломъ. Быть можетъ, тамъ и молодежь другая, Но въ нашей мѣстности (Порховскій уѣздъ) деревни сильно болѣеть нравственно и требуетъ серьезнаго и продолжительнаго леченія.

Безошибочно можно сказать, что главнымъ источникомъ нравственной заразы служатъ отхожіе промыслы, близость и удобство сообщенія со столицею—Петербургомъ. Немало всякой грязи приносятъ съ собою и солдаты, возвращающіеся домой «съ запасъ» или «на побывку», что особенно стало замѣтно послѣ послѣдней русско-японской войны.

Въ нашей мѣстности рѣдкій взрослый паренъ или дѣвица изъ деревни не побывали въ столицѣ «на заработкахъ». Рѣдкій отецъ или мать изъ «стариковъ» не съѣздили въ «Питеръ» съ цѣлью «прошвѣдать», посмотрѣть: какъ живутъ тамъ ихъ дѣтки. Силою и рядомъ бываетъ такъ, что сынокъ, находясь въ столицѣ, не водаетъ о себѣ «ни слуху, ни—духу», не высылаетъ въ семью денегъ, ссылаясь на «забастовки». А то пришлетъ слезницу: «продай, мать, бурую корову,—пришли мнѣ денегъ на дорогу!». Родители, отираючи дѣтей въ столицу, часто, что называется, общипываютъ себя, оставляясь дома на хлѣбъ и водѣ. Слышать они, что, вотъ, такой-то или такая-то въ Петербургѣ «здорово»

живуть, слышать это и дѣтки ихъ и пристають къ своимъ съ неотступною просьбою: «пусти въ Питеръ!». Какъ быть? Дома во всемъ нужда, хлѣба мало, покоса мало, дровъ взять негдѣ, подати платить нужно... «Ладно, поѣзжай»,—скажутъ. И вотъ, какой-нибудь Ваня, или Фекла, явись въ столицу и повидавъ своихъ «питерскихъ», сразу окунулсь въ «благородную» жизнь... Приходить Фекла къ своей сосѣдкѣ, какой-нибудь «куфаркѣ» или горничной... Видигъ: жизнь-то здѣсь, «эвонъ она какая!» Какая вѣбудъ Прасковья (теперь она уже *Полина!*), не смотря на будни, чисто одѣта и немилосердно ломанься, угощаетъ Феклу кофе а если гостя пожилаи-является на столъ и водочка съ колбасою. «Разговоры разговариваютъ» здѣсь, тоже, «не по нашему».. У насъ: «мнѣ что-то не въ домехъ», а здѣсь: «я прямо-таки не узнаваю»... *Полина* (бывшая Прасковья) помпунтно ввертываетъ: «ужъ у насъ», «ужъ у насъ въ деревнѣ», заводитъ рѣчь объ «серьп. шити»; однимъ словомъ у нея «галантерейное» обхожденіе. Да и Вани, побывавъ у сосѣда-дворника, домового извозчика и т. под., видить, что здѣсь «жить можно»: если постоянного мѣста не найдешь, къ твоимъ услугамъ «поденщина», а если совсѣмъ замотался, можно и «свита завинтить», къ титенькѣ отправиться...

Но допустимъ, Ваня и Феклуша благополучно основались въ столицѣ. Прошелъ мѣсяць. Первымъ дѣломъ, нужно было «рѣчь смѣнить», выучиться говорить «повитерски», а тамъ и одѣться какъ слѣдуетъ. Ваня находитъ, что курить махорку—«дѣло остатнее»,—то-ли дѣло «Кавръ»—25 шт. папиросъ всего 6 коп., а то можно и «Ада».. Въ деревнѣ говорила, что—модъ—«намъ чай—кофе не по нутру, а вотъ кабы теплой картошки по-утру», а здѣсь—не то: здѣсь «перехватка не принята»,—какъ всталъ, Господи благослови, нужно чаемъ заняться да не худо-бы, предъ чаемъ—то, и «сотку раздавить». Въ деревнѣ, на работѣ, всякое платье гоже, а здѣсь хощеваго балахона да разваго домашняго тканья не полагається, а требуются хотя какая нибудь тужурочка да узкіе брючки—диаговаль. Феклушка (будущая *Текла*) тоже находитъ, что носить волоса въ двѣ косы—«одна сѣрость» и устраиваетъ себѣ модную прическу а la Вальцева... Деревенское женское платье здѣсь, тоже, не въ почетѣ,—здѣсь нужна узкая юбка и «подшерсть» къ ней, ботики съ высокими каблучками.. Всѣми этими «культурными благами» повемногу обзаводится наши прѣзжіе «на заработки», а домой—ви конѣйки. Проживуть годъ—два и возвращаются на родину совсѣмъ «питерскими», приносятъ съ собою городскія привычки, бусеть городской безпочвенной жизни, жизни трактира и разныхъ «весе-

лыхъ» мѣсть. Видѣли они, что въ столицѣ жизнь челоуѣка — коуѣйка, не болѣе: то изъ Обводнаго канала выловятъ обезображенный, истерзанный трушъ, то изъ помойной ямы вытащатъ мертваго младенца, то на желѣзной дорогѣ объявится посылка «съ покойникомъ» и т. п., и это они хорошо запомнили...

Сѣздила какая нибудь тетка Алена въ Петербургъ на дѣтокъ посмотреть..., и этой тамошняи жизнь тоже понравилась. «Эва, кумушка, Федика—то наша, я посмотрѣла, что-тебѣ барыня живетъ,—руки бѣлыя, бѣлыя, пьетъ чай—кофій да и все тебѣ, а работы никакой: ни тебѣ хлѣбы печь, ни какой другой нашенской работы—все «въ ланкѣ есть»...

Побывалъ въ столицѣ и «дади Петруха-большая голова»...—«Да, братъ, живутъ, не по вашему... Сходить, это, я къ куму—Ильѣ, дворникомъ онъ на Ружейной... Сейчасъ угощеніе... У насъ коли-ежели когда возьмешь бутылку, такъ и колоти ладонью по—дну: пробку вышибай, а тамъ, братъ, вино-то въ «графенчикѣ» да и закуска—то... одно слово, «честь-честью».

Такъ наша деревня, мало-по-малу, пропитывается «интерскимъ» духомъ. Слыхали тамъ наши молодцы кое-что и на счетъ вѣры и всякихъ другихъ порядковъ: «тамъ, братъ, обь эфтихъ дѣлахъ иначе разсуждаютъ, —на все всякія умныя книжки имѣются, такія тебѣ умныя, что и пяти поповъ не нужно! И вотъ, теперь обывателю—сосѣду нашей деревни приходится видѣть и слышать, какъ деревенская молодежь, разгуливая по вечерамъ съ гармониками и балалайками, расиѣваетъ уже не традиціонныя припѣвки съ «Ваньками и Таньками», а горланить кощунственныя «саксопеты», въ родѣ: «радуйся сивуха многострадальная!» Можете услыхать и «вставай—подымайся, рабочій народъ», а то и «марсельезу»... Тверешняя деревенская дѣвица, даже и въ будень, старается появиться на улицѣ одѣтой по-проще, а о «гулящихъ» дѣяхъ и говорить нечего. А въ церковь она явится одѣтою «какъ барышня», раздушенная, съ перетнями на рукахъ, съ ридикюлемъ, въ которомъ ровно ничего нѣтъ да и положить нечего. Почти всѣ, даже старики деревенскіе, дѣды и отцы которыхъ изрѣдка «побалывались звѣробойникомъ» (трава такая есть), теперь почти повсемѣстно обзавелись самоварами, пьютъ «чай—караванъ съ избушкою». А нѣко и грамофонъ слушаютъ, благо эта игрушка дешева стала...

Результаты такого прогресса деревни въ нашей мѣстности сказались въ томъ, что въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ случилось два убійства,

покушеніе на убійство и два поджога... Что-же касается дракъ съ болѣе или менѣе легкими увѣчьями, или съ проломами головъ,—такъ безъ этого не обходитесь, почти, ни—одинъ праздникъ и на это смотрятъ все какъ на что-то неизбѣжное. Находятся даже, стыдно сказать, «бумажные люди», видящіе въ этомъ какой-то «широкій размахъ русской удали», какъ будто этотъ размахъ непременно долженъ выразиться въ проломѣ головъ и сокрушеніи зубовъ....

Наше православное духовенство часто обвиняютъ въ томъ, что оно не имѣетъ достаточно нравственнаго вліянія на своихъ прихожанъ, не учитъ, какъ нужно «по—Божь» жить... Но при этомъ забываютъ, что всякій сельскій священникъ не только пастырь, но въ тоже время и семьянинъ и сельскій хозяинъ. Попробуйте-ка вы съ церковнаго амвона обличить безобразную жизнь деревенской молодежи.... Въ результатъ сожгутъ вашъ домъ, ваше гумно. Если само общество равнодушно относится къ обличаемымъ явленіямъ современной жизни, то-что же можетъ сдѣлать одинъ пастырь съ своими обличеніями. Поучайте сколько угодно, но что пользы, если какой нибудь «интерецъ» или зашевой солдатъ, вслѣдъ за вашею проповѣдью, тоже «проповѣдуетъ», что «все» это—одни, братецъ ты мой, пустяки, а что касательно того, что поны лясы *точатъ*, такъ имъ нельзя безъ того: *тоже жрать хотить да за то они отъ казны и деньги получаютъ*... Словомъ и рядомъ приходится видѣть, что теперь деревенскіе жители, встрѣчаясь съ священникомъ, не просятъ у него благословенія, а довольствуются обыкновеннымъ: «здравствуйте!» Они, значитъ, не нуждаются въ этомъ благословеніи... Конечно, находятся учительные пастыри, учащіе «благовременнѣ и безвременнѣ», во и такимъ очень часто приходится «сожмуть уста», особенно если ихъ поученія и обличенія затрогиваютъ людей, «мнящихъ себя великими бѣть» и думающихъ: «ну ужъ мнѣ эти поны; — распу-скаютъ свою мяжку, а какъ коровъ въ поле гнать, имъ дровъ нужно—такъ ко—мнѣ: пожалуйста, пожалуйста... Я тебѣ дамъ: *пожалуйста, длинно—полая ты аллилуія, вскуе шаташеся...*»

Да, перемѣнилась, испортилась, наша деревенская жизнь... Гвѣтъ деревни... И какъ помочь ей въ этой ея бѣдѣ—объ этомъ *крѣпко* должны подумать тѣ, кому «сіе видать надлежитъ».—

Защт. псаломщикъ *Михаилъ Ладимскій*.